

5. Огнева Е.А. Характеристика объема переводимости концептов художественных текстов // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизации преподавания иностранных языков: Мат-лы Всерос. науч. конф с междунар. участием. – Тольятти, 2005. – С. 363-368.
6. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М., 1974.

Список источников примеров

1. Толстой А.Н. Петр первый: Роман. – М.: “Художественная литература”, 1981.
2. A. Tolstoï Pierre Ier. Roman en trois livres / Tr. du russe: livres premier et deuxième par Alice Orane, livre troisième par Alice Orane et Cyrilla Falk. – М.: Editions en langues étrangères, 1982.
3. A Tolstoy. Peter the Great / Pr. from the Russian by Alex Miller. - М.: Progress Publishers, 1982.

Словари

1. Даль В.И. Толковый словарь живого Великорусского языка в 4-х т. – М.: Русский язык, 1999.
2. ПЦСС. Полный церковно-славянский словарь. 30000 слов / Сост. свящ. магистр Г. Дьяченко. – М.: “Отчий дом”, 2005. – 1120 с.
3. РФС. Русско-французский словарь: 50 000 слов. -14-е изд. стереотип. – М.: Русский язык, 1993.
4. ФЛСС. Франция. Лингвострановедческий словарь. 7000 единиц / Под ред. д. ф. н. проф. Л.Г. Ведениной. М.: Интердиалект+ АМТ, 1997.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ТОЖДЕСТВЕННОСТЬ ИЛИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ АДЕКВАТНОСТЬ?

И.Р. Перевышина
Белгород

Сегодня уже не вызывает сомнений тот факт, что язык является частью культуры. Культура и язык – антропоцентрические сущности, человек как представитель той или иной культуры «не может полностью отвлечься от языка, даже когда реально им не пользуется» (Касевич 1990: 24).

Насчитывается огромное количество определений культуры. Из всего многообразия определений привлекает своей доступностью и образностью известное определение Клакхона. "Культура для общества – это тоже, что память для человека" (Ларина 2005: 25-28).

У каждого народа свой культурный опыт, каждый народ имеет свои особенности в социальном и трудовом опыте, что находит свое выражение в различиях лексической, фразеологической и грамматической номинаций явлений и процессов, в сочетаемостных возможностях тех или иных значений, в их этимологии. В целом не язык диктует нам то или иное восприятие действительности, а, напротив, действительность неодинаково членится в разных языках в силу различных условий жизни людей.

Мысль о национально-культурном своеобразии языков восходит к работам В. фон Гумбольдта, который писал, что «форма языков национальна, они всегда в подлинном и прямом смысле творятся нациями как таковыми» (Гумбольдт 1984: 65). В последнее время перевод трактуется как лингвокультурный процесс.

Любой текст и любое высказывание, подлежащее переводу, являются культурно обусловленными, так как, создавая какой-либо текст, носители языка, принадлежащие к определенной культуре, обычно руководствуются, по мнению А. Вежбицкой, некой подсознательной нормой, которую она называет «культурно обусловленным сценарием» (Вежбицка 1990: 63-64).

Художественный текст – это зеркальное отражение определенной национальной культуры, он помогает нам познать культуру другого народа. Художественный текст как никакой другой содержит большое количество слов с национально-культурной семантикой, словосочетаний, отклоняющихся от литературной нормы языка, но оправданных нормами художественного произведения. Воссоздать в переводе аналогичный художественный текст и воспроизвести во всех фрагментах текста эстетическую функцию, создаваемую репертуаром всех языковых средств и композиционно-речевой структурой, очень сложно. По-видимому, речь может идти о *лингвокультурной адаптации* текстов исходного языка и переводящего языка (далее ИЯ и ПЯ), мы можем говорить о *лингвокультурной адекватности* текстов ИЯ и ПЯ, но никак не о лингвокультурной тождественности, так как тождественный, эквивалентный текст перевода и адекватный текст перевода не одно и то же. Эквивалентный перевод предполагает максимальную структурную и смысловую близость оригиналу, а адекватный перевод – это хороший перевод. Под лингвокультурной адекватностью мы будем понимать преобразование одного лингвокультурного варианта в другой лингвокультурный вариант, инвариантным в этом случае будет доминантная коммуникативная функция высказывания или фрагмента текста.

Перевод, по справедливому замечанию В. И. Хайруллина (1992), представляется целесообразным рассматривать с точки зрения теории лакун, понимать которую в данном случае следует широко: если в пределах текста лакуна – это некоторый фрагмент текста, в котором имеется нечто непонятное (Сорокин, Марковина 1988: 77), то с позиции какого-либо языка иноязычный текст в целом также предстает как лакуна, которую требуется заполнить лингвокультурными средствами.

Переводчик как бы распознает, раскрывает ментальное пространство иноязычной культуры с помощью имеющихся у него знаний о собственной культуре, хранящихся в памяти в виде фреймов. Фреймы обеспечивают адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций, это своего рода глубинные протоструктуры, глубинные репрезентации смысла. Реальная действительность дается переводчику в виде некой абстракции идеальной сущности, материализованной в знаках исходного языка.

Исследователи отмечают педантичность и точность немецкого менталитета, скрупулезность в немецкой культуре, которые ведут к тому, что немецкий язык изобилует многокорневыми словами; немецкая культура – это культура более мелких величин, более бережного отношения ко времени, конкретизации временных отрезков. В немецких текстах по сравнению с русскими, наблюдается высокая частотность указания лица. По замечанию Вежбицкой (Вежбицкая 1990: 63-64), западноевропейская культура подчинена

идее «самоутверждения» личности. Эта идея восходит к культурно-философской традиции, для которой показательным отношением к личности, к «Я». По свидетельству Х. Ортега-и-Гассета, «Лейбниц осмелился назвать человека маленьким богом. Кант сделал «Я» высшим законодателем Природы. Фихте отметил, что «Я» – это все» (Ортега-и-Гассет 1990: 81). Выделение лица диктует выбор предикативного признака, т.е. в переводах с русского языка на немецкий наблюдается синтаксическая выраженность субъекта и предиката. В русской языковой традиции такой необходимости не существует. Можно говорить о многих явлениях в языке, характеризующих легендарную педантичность немецкого мышления. Известно, что классификация явлений действительности и, соответственно, наделение их наименованиями производится на основе существенных черт сходства и различия этих явлений. При этом разные языки «поступают» по-разному. Например: для русских *палец* – это подвижная конечная часть кисти *руки*, *стопы ноги* или *лапы животного*. В немецком языке словом *Finger* обозначают только пальцы руки, а пальцы ноги человека и лапы животного обозначаются словом *Zehe*. Иначе говоря, там, где русские видят одно явление (один класс предметов), немцы видят два:

цветок = die Blume (цветок травянистых растений) + die Blüte (цветок на дереве, на кусте);

кость = der Knochen (кость позвоночных, но не рыб) + die Gräte (кость рыбы).

При преобразовании лингвокультурного варианта художественного текста ИЯ в лингвокультурный вариант художественного текста ПЯ можно сопоставить различное описание объектов реальной действительности, процессов, оценки какого-либо факта, предмета и т.д. Оценка может быть выражена различными языковыми средствами. Не последнюю роль в этом отношении играют в русском языке суффиксы субъективной оценки. Они являются специфической особенностью русского языка по сравнению с немецким языком (в немецком языке таких суффиксов существительных только два: -chen и -lein). В художественном тексте эти суффиксы часто выполняют существенную коммуникативную функцию, так как с помощью этих суффиксов выражаются самые разнообразные оттенки экспрессии: сочувствие, ирония, пренебрежение, злоба и т.д.

Мы попытались создать свою классификацию перевода русских суффиксов субъективной оценки на немецкий язык. Нами были выделены межъязыковые эквиваленты, одинаково оценивающие объект, совпадающие по форме и содержанию при преобразовании лингвокультурного варианта русского языка в лингвокультурный вариант немецкого языка; функционально-содержательные эквиваленты, это тот случай, когда лингвокультурный вариант ПЯ совпадает с лингвокультурным вариантом ИЯ по функции и содержанию, но отличается своей структурой; функциональные эквиваленты, когда русский лингвокультурный вариант и немецкий лингвокультурный вариант совпадают по функции, но содержание (значение) отдельных компонентов является разным. Частичная лакунарность суффиксов субъективной

оценки в немецком словообразовании приводит также и к непереводаемости русских суффиксов субъективной оценки. По нашим наблюдениям, если слово с оценочным суффиксом выполняет экспрессивную функцию, то есть стремится вызвать у нас ощущение симпатии, участия или, наоборот, иронии, осуждения к описываемому предмету, лицу, событию, то в немецком языке ему очень часто соответствует нейтральное слово.

Литература

5. Вежбицка А. Культурно-обусловленные сценарии и их когнитивный статус // Язык и структура знания. – М., 1990.
6. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.
7. Касевич В.Б. Язык и знание // Язык и структура знания. – М., 1990.
8. Ларина Т.В. Лингвокультурологический аспект в преподавании перевода // Проблемы обучения в языковом вузе – М., 2005. – С. 25-28.
9. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 68-81.
10. Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю. Текст и его национально-культурная специфика // Текст и перевод. – М.: Наука, 1988. - С. 76-84.
11. Хайруллин В.И. Перевод научного текста. – М., 1992.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

В.Ф. Сиденко
Белгород

В лингвистических исследованиях последних лет, имеющих ярко выраженный антропоцентрический характер, наметилась тенденция связывать лингвистические процессы с внелингвистической реальностью и особенностями языковой личности, познающей окружающий мир.

Язык играет действительно важную роль в построении знаний о мире. Иногда говорят даже о существовании особого языкового мировидения. Наиболее ярко эта мысль была воплощена в трудах Э.Сепира и Б.Уорфа и получила название гипотезы Сепира-Уорфа.

Однако следует отметить, что свойственный языку способ концептуализации действительности в большей степени универсален. В этом смысле критика гипотезы Сепира-Уорфа вполне оправданна. Лингвистические исследования, направленные на сравнение различных языков мира, подтверждают идею об универсальных основаниях мыслительных процессов. Различия в обозначении одних и тех же явлений действительности связаны, в частности, с выбором признаков, которые кладутся в основу наименования, а не с различием в мышлении лиц, говорящих на разных языках (Гак 1998).

Данный подход вскрывает диалектическое единство языка и мышления. Вербальное мышление представляется здесь как единственно возможное, что вряд ли оправданно, во-первых, потому, что индивид обладал мышлением и в доязыковой период (Павиленис 1983), во-вторых, потому, что су-